

Григорий Кружков

ФРОСТ В АНГЛИИ

Как известно, поэзию Роберта Фроста признали сначала в Англии, и только потом в Америке. Так что интуиция его не подвела, когда в 1912 году он решил вместе семьей переехать из Новой Англии в старую — чтобы сменить обстановку и глотнуть другого воздуха. Именно здесь, в Лондоне, уже в следующем году у тридцатисемилетнего Фроста вышла его первая книга «Прощание с юностью», состоявшая из давно написанных стихов, наполовину — еще до 1900 года.

Интересно, что в этой книге к названиям стихов он добавил развернутые подзаголовки, например, такие: «Юноша убежден, что скорее станет самим собой, если забудет о мире»; «Он лелеет свое осеннее настроение» и так далее.

Юрий Здоровов, составитель и комментатор самого полного на сегодня русского издания поэзии Фроста, называет эти подзаголовки «ироническими». А я бы скорее назвал их стилизованными. Здесь Фрост подключается к давней английской традиции, истоки которой, как минимум, в XVI веке, а последний пример, который был тогда «на слуху», — сборник стихов Уильяма Йейтса «Ветер в камышах» (1899) с подобными же развернутыми названиями.

В свою очередь, и Йейтс стилизует эти подзаголовки под образец, привлекая его в старой английской традиции, а именно стихи Томаса Уайета (1503–1542). Впервые они были напечатаны в сборнике лирики первой половины XVI века «Песни и сонеты», так называемом «Сборнике Тоттела» (1557). И хотя озаглавлены они были, по-видимому, не автором, а составителем, названия прижились, и вплоть до середины XX века печатались только так.

Сравните.

Томас Уайет (1557):

«Влюбленный сравнивает себя с галерным рабом, а даму со звездой»; «Он сознает, что доверился опрометчиво»; «Влюбленный сетует, что подобное не излечивается подобным»; «Он восхваляет прекрасную ручку своей дамы»...

Уильям Йейтс (1899):

«Влюбленный рассказывает о розе, цветущей в его сердце»; «Он вспоминает забытую красоту»; «Он скорбит о перемене, случившейся с ним и его любимой, и ждет конца света», «Он мечтает о парче небес».

Роберт Фрост (1913):

«Юноша убежден, что скорее станет самим собой, если забудет о мире»; «Он не боится, что его не поймут»; «Он лелеет свое осеннее настроение».

Думаю, что у Фроста эти подзаголовки исполняют примерно ту же функцию, что и у Йейтса — определенного отстранения автора от лирического героя, который уже успел измениться и смотрит на себя самого с некоторым покровительственным сочувствием. Не зря Фрост называет его «юношей»; он сам в это время уже давно не юноша, ему 38 лет. Так что очень точно и проникательно Ю. Здоровов перевел название книги Фроста (цитату из стихов Лонгфелло, непонятную вне контекста) как «Прощание с юностью». Именно так!

Перепечатывая свою первую книгу в США через два года, он эти подзаголовки снял, потому что учитывал другого читателя и другую традицию.

Трехлетнее пребывание в Англии стало поворотным пунктом жизни Фроста. Там он нашел единомышленников, там обрел настоящего друга, прозаика и поэта Эдварда Томаса, почти своего ровесника. Особенно сблизил их год, проведенный в своего рода «литературной колонии» в деревне Даймок, на границе Глостершира и Шропшира. Поселившихся там в 1911–1915 году поэтов называют «даймоксскими поэтами», среди которых были Руперт Брук, Уильям Гибсон и Джон Дринкуотер; все они печатались в альманахе «Георгианская поэзия» и составляли часть более широкого круга так называемых «поэтов-георгианцев».

Дом, в котором поселился Фрост с семьей, «Литтл Иденс», сохранился в прежнем виде. Вокруг — поля и леса необычайной красоты, настоящий заповедник диких нарциссов и других цветов. Они с Эдвардом Томасом жили по соседству и часто гуляли вместе по этим по окрестным лугам и рощам, «ботанизировали». Эдвард знал все названия растений и заразил своим увлечением Фроста. С этими прогулками связано одно из самых хрестоматийных стихотворений Фроста «Другая дорога» («The Road Not Taken»).

Эдвард, хотя и заядлый ходок, много путешествовавший пешком (и описавший эти путешествия по Англии в своих книгах), отличался какой-то нерешительностью в выборе дороги и часто бранил себя, что свернул не туда, что надо было свернуть в другую сторону и тогда бы они нашли место, где цветов больше. Фрост, воспитанный в пуританском духе и часто слышавший от матери правило: «Пахарь не оборачивается назад», — подтрунивал над ним. Тогда же он набросал стихотворение, которое закончил, уже вернувшись в Америку, и послал его другу как шутку.

*Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as long as I could
To where it bent in the undergrowth...*

ДРУГАЯ ДОРОГА¹

*В осеннем лесу, на развилке дорог,
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.*

*Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла;
А впрочем, заросшими были обе.*

*И обе манили, радуя глаз
Сухой желтизною листьвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.*

¹ Здесь и далее стихотворения в переводе Г. Кружкова, за исключением стихотворения «Березы». (Прим. ред.)

*Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть —
И это решило все остальное.*

Эдвард Томас, однако, принял его всерьез. Шла война. Томас по своему возрасту и многосемейности (трое детей) не подлежал призыву в армию и мог вступить в нее только добровольцем. Идти ему не хотелось. Он ненавидел всякое насилие; к тому же армия, война — это всегда толпы людей, а Томас любил одиночество. Несколько месяцев он колебался, и стихотворение Фроста роковым образом повлияло на его решение. Он пошел добровольцем на войну и через полтора года погиб в первом большом сражении под Аррасом во Франции.

Как в древнегреческой трагедии, невнятное предсказание сбылось с ужасающей точностью.

*Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way,
I doubted if I should ever come back.*

*[Другую тропинку я оставил для другого раза.
Но зная, как одно вытекает из другого,
Я сомневался, что вернусь сюда снова.]*

Двумя годами позже Фрост посвятил своему другу стихотворение, где обозначает его имя лишь инициалами: «*To E.T.*». Начинается оно так:

*Глаза смежив, я уронил на грудь
Твоих стихов раскрытый белый том:
Как голубь на кладбищенской плите,
Он трепетал распластанным крылом.*

Как достоверны первые две строки! Любители поэзии знают, что лучшая поза для чтения стихов — именно лежа на спине: лишь в этом положении можно полностью забыться и перенестись в мир, созданный поэтом.

А какой потрясающий образ в двух последних строках! Раскрытая книга как птица, трепещущая крыльями — простая метафора, но «голубь на кладбищенской плите» — символ, бесконечно расширяющий перспективу стихотворения. Голубь — дух, а могильная плита, хранящая память о поэте, — не только книга, но и друг поэта, читающий ее в эту минуту. Образ, как будто взятый из поэзии барокко и доказывающий, на мой взгляд, как чутко Фрост читал английских поэтов-метафизиков. «...Они мертвы, и я — их некролог» (Джон Донн). Или: «Мой жребий мне уклад сломать велит, / Когда мы, смолкнув, длемся в речи книг...»

Вот стихотворение Фроста целиком.

*Глаза смежив, я уронил на грудь
Твоих стихов раскрытый белый том:
Как голубь на кладбищенской плите,
Он трепетал распластанным крылом.*

*Я отыскать тебя хотел во сне,
Хотел договорить с тобою, брат;
Ты был из тех, кто, не боясь судьбы,
Жил как поэт и умер как солдат.*

*Мы думали, что тайн меж нами нет
И друг у друга нам не быть в долгу;
А получилось так, что я с тобой
Победой поделиться не могу.*

*Когда ты под Аррасом пал в бою
При вспышках орудийного огня,
Война окончилась лишь для тебя
В тот час; а ныне — только для меня.*

*А для тебя тот бой еще гремит;
И что мне жалкий фимиам побед,
Когда сказать тебе, что враг разбит, —
И этого мне утешенья нет?*

В Англии написано и одно из самых замечательных стихотворений Фроста «Березы». Поэт, гуляя по лесу, видит согнутые почти

до земли березки и вспоминает, как он в детстве «катался на деревьях» — так называлась эта забава, когда мальчишка карабкается на молодую березу до самого верха, пока она не поддастся его весу, — и тогда, наклонившись, плавно спустит его на землю.

Вот концовка этого стихотворения в замечательном переводе Андрея Сергеева:

*Я в детстве сам катался на березах.
И я мечтаю снова покататься.
Когда я устаю от размышлений
И жизнь мне кажется дремучим лесом,
Где я иду с горящими щеками,
А все лицо покрыто паутиной,
И плачет глаз, задетый острой веткой, —
Тогда мне хочется покинуть землю,
Чтоб, возвратившись, все начать сначала.
Пусть не поймет судьба меня превратно
И не исполнит только половину
Желания. Мне надо вновь на землю.
Земля — вот место для моей любви, —
Не знаю, где бы мне любилось лучше.
И я хочу взбираться на березу
По черным веткам белого ствола
Все выше к небу — до того предела,
Когда она меня опустит наземь.
Прекрасно уходить и возвращаться.
И вообще занятия бывают
Похуже, чем катанье на березах.*

Медитативное течение стихотворения в первой части дважды прерывается образами такой яркости и неожиданности, что они, как вспышка ракеты, еще долго не гаснут и освещают все соседние строки.

*Но не мальчишка горбит их стволы,
А дождь зимой. Морозным ясным утром
Их веточки, покрытые глазурью,
Звонят под ветерком, и многоцветно*

*На них горит потрескавшийся лед.
К полудню солнце припекает их,
И вниз летят прозрачные скорлупки,
Что, разбивая наст, нагромождают
**Такие горы битого стекла,
Как будто рухнул самый свод небесный.***

И еще:

*А раз согнувшись,
Березы никогда не распрямятся.
И много лет спустя мы набредаем
На их горбатые стволы с листвою,
Влачащейся безвольно по земле —
**Как девушки, что, стоя на коленях,
Просушивают волосы на солнце...***

Такие яркие и запоминающиеся сравнения, подобные драгоценным инкрустациям, мы встречаем, например, в шекспировских трагедиях, у Мильтона, и иногда — у подражавших им английских романтиков. Фрост вводит их в свои отнюдь не героические сюжеты, где они вдвойне неожиданны и очень эффектны.

Тут хочется еще сказать о том, что можно назвать таинственностью Фроста. О том, как у него за простым, прозаическим сюжетом скрывается многозначное, многослойное содержание. Раньше я воспринимал «Березы» как метафору творчества. Тяга высоты, карабканье на самую верхушку дерева — творческий порыв, но возвращение на землю неизбежно, и обе эти фазы желанны, потому что все время дышать воздухом высоты невозможно и скучно. «Прекрасно уходить и возвращаться...»

Но недавно я почувствовал и еще один возможный смысл. Береза — это юная девушка, а своеволие мальчишки, который хочет «кататься на березах», это то, что раз и навсегда меняет ее судьбу. Многозначительно звучит фраза: «А раз согнувшись, березы никогда не распрямятся...» И мы слышим вздох поэта о роковой природе любви, которая творит и губит, о юности, которая уходит безвозвратно.

И мне вспомнилось другое хрестоматийное стихотворение Фроста: «Nothing gold can stay» («Все золотое не вечно»). Это тоже сти-

хотворение о юности, о той самой «свежести чувств» (А. Ахматова), которая неизбежно теряется.

NOTHING GOLD CAN STAY

*Nature's first green is gold,
Her hardest hue to hold.
Her early leaf's a flower;
But only so an hour.
Then leaf subsides to leaf.
So Eden sank to grief,
So dawn goes down to day.
Nothing gold can stay.*

ВСЕ ЗОЛОТОЕ ЗЫБКО

*Новорожденный лист
Не зелен — золотист.
И первыми листьями,
Как райскими цветами,
Природа тешит нас —
Но тешит только час.
Ведь, как зари улыбка,
Все золотое зыбко.*

Это, в некотором роде, спор с романтиками XIX века. «The thing of beauty is a joy for ever», — писал Китс. «Прекрасное пребудет радостью навсегда». Фрост не то, чтобы возражает, а просто сопоставляет это с другой, столь же весомой земной истиной: самое прекрасное на свете недолговечно, «Nothing gold can stay».

Может быть, я и «вчитал» в «Березы» этот смысл, а может быть, и нет. Как-то раз Фрост сказал о «Другой дороге»: «Это непростое стихотворение, очень непростое» («It's a tricky poem, very tricky»). То же самое он мог бы сказать и о «Березах».

Итак, по крайней мере, два из самых известных, хрестоматийных стихотворений Фроста были написаны в Англии: «Другая дорога» и «Березы». В них появилось какое-то новое качество, ко-

торых раньше у Фроста не было, они обозначили новую ступень в развитии его поэзии. Вот еще одно подтверждение мысли Николая Оцупа (из его воспоминаний о Гумилеве) о «благотворной роли временной разлуки с родиной для национального поэта».

Через год после первой книги «The Boy's Will», которая по-русски могла бы называться «Прощание с юностью», в Лондоне тем же издателем была опубликована вторая книга Фроста «К северу от Бостона». Она включала семнадцать стихотворений, по преимуществу повествовательных и драматических — то есть написанных в радикально ином жанре, чем лирика первой книги. Их жанр неторопливого рассказа и немногословного диалога напоминают о «Лирических балладах» и поэмах Вордсворта, в которых он описывает «честных простолюдинов», их терпение, упорство и неизменное чувство собственного достоинства. Такие стихи Фроста, как «Смерть батрака» и «Правила хорошего тона» («The Code») можно сравнить, например, с балладой Вордсворта «Решимость и независимость» («Resolution and Independence»). Разумеется, в стихах Фроста старые поэтические темы и предметы предстают без тени сентиментальности, в совершенно другом, современном восприятии и преломлении.

Книга Фроста была подготовлена в Англии, и там же были написаны пять из включенных в нее семнадцати стихотворений, в том числе такие знаменитые стихи, как «Домашнее кладбище» или маленький шедевр — стихотворение «Пастбище», ставшее вступлением к сборнику. Книга имела значительный успех в Лондоне и была сразу же переиздана в Бостоне, почти одновременно с возвращением Фроста в Америку, где его карьера наконец-то двинулась вперед. Должно быть, еще в Англии поэт задумался о том, каким образом он, со своим «старомодным» вкусом, с «головой, повернутой назад», впишется в американский литературный пейзаж, и продумал в основных чертах свою стратегию и поэтическую маску.

